жизнь нашего подшефного колхоза имени И. В. Мичурина. Тесная, почти повседневная связь с колхозниками и проводимая нами политико-воспитательная работа среди них. позволяют нам иметь ясное представление не только о колхозном производстве, но и о новых формах общественного сознания колхозников, их культурных запросах и интересах, о семейном быте и многом другом.

Никто из этнографов в настоящее время, конечно, не сомневается, что изучать следует не только культурно-бытовые проявления колхозной жизни, но и колхозную экономику, которая как раз и является материальной основой социалистической перестройки культуры и быта. Но, как правильно отметил И. И. Потехин, у этнографа должен быть свой специфический подход к изучению экономики 4.

По нашему мнению, в области экономики, помимо показа общих успехов колхозного производства, особое внимание следует уделить выявлению специфических особенностей хозяйства изучаемого народа и тем изменениям в экономике, которые непосредственно привели к перестройке быта. Специфика производства у народов Севера, например, представляет несомненный интерес для этнографа.

Столь же интересно проследить взаимосвязь между изменениями в хозяйстве и в быте. В частности, народ коми, единый по своему происхождению и языку, не имеет единства в хозяйстве и быте, так как его отдельные группы живут в различных природно-географических условиях и имеют различное хозяйство. Повышение роли земледелия в южных районах Коми АССР в советское время привело к упадку охоты и отхожих промыслов, а это в свою очередь привело к сложению прочного земледельческого быта. Мужчина, в прошлом охотник, рыболов и отходник, превратился в •земледельца. Животноводческо-оленеводческое направление в экономике северных районов (при сохранении рыболовного и охотничьего промыслов) не только способствует росту благосостояния колхозников, но и вносит в их быт определенные новые черты. Так, переход некоторых групп болыпеземельских ненцев от чисто кочевого оленеводства к оседлому животноводству и рыболовству ла Печоре привел к существенным изменениям во всем их быте.

Любую сторону колхозной экономики (рост посевных площадей, применение машин, увеличение поголовья скота и улучшение его качества и т. д.) необходимо также рассматривать с этнографической точки зрения, т. е. в плане показа тех изменений, которые она произвела в самой жизни колхозников. Но, как уже отмечено некоторыми товарищами, было бы абсолютно неверно все изменения в культуре и быте советского крестьянства выводить непосредственно из роста колхозной экономики. Такие, например, явления, как рост национального самосознания и расцвет национальных культур, грамотность населения и культурное обслуживание его избами-читальнями, клубами и т. д., от колхозной экономики непосредственно не зависят. В этих сферах колхозной жизни ведущую роль играет национальная политика советского государства и политико-воспитательная работа культурно-просветительных учреждений, советской школы, печати, кино и радио. Они же способствуют выработке социалистической идеологии в широких слоях колхозного крестьянства. Забывать об этом — значит допускать в своем исследовании грубейшую методологическую ошибку.

Нам кажется, что этнографам следовало бы обратить сугубое внимание и на то, как и каким образом влияют на изменения быта колхозников большие государственные новостройки (города, заводы, электростанции, каналы, железные дороги). Например, в связи с созданием на территории Коми АССР Печорского промышленного района, новых городов и поселков и проведением Печорской железнодорожной маги-

4 См. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 212.

рали в глухих в прошлом печорских селениях, с их замкнутым бы-
ом и низким уровнем культуры, произошли серьезнейшие преобразо-
ания, охватившие все стороны жизни местного крестьянства.

Наконец, нам хотелось бы остановиться на вопросе о том, какой
бъект следует избирать для этнографического изучения. Вполне согла-
аясь с товарищами, что изучать следует колхозное село, мы, тем не
енее, считаем, что такой объект слишком узок и мало что дает для
ироких обобщений. Узок не только потому, что каждое колхозное село
еразрывными нитями связано с соседними селениями, районом и всем
ародом, но и потому, что типичное для данного села далеко не всегда
ипично для всего народа и даже для соседнего района. Выявить ка-
ие-либо национальные черты, культурно-бытовую специфику народа
ожно лишь путем кропотливого анализа и сопоставления материалов
о целому ряду селений в каждом районе в отдельности и по области
ли республике в целом. При изучении таких народов, как, например,
ашкиры, коми, карелы, отличающихся исключительным разнообразием
озяйства, материальной культуры и быта, подобный метод является
аиболее оправданным и эффективным.

Практика прошлых лет показала, что мы имеем много статей об
тдельных колхозах — крошечных частичках больших народностей и
аций, но ни одной обобщающей работы о народе или нации в целом
ет. Ценность подобных статей для этнографии вызывает законное со-
нение. У этнографов, надо полагать, накопилось уже не мало мате-
иалов, чтобы от малозначительных статеек перейти к действительно
енным и нужным обобщающим работам.

Таковы в основных чертах наши замечания и соображения по во-
росу об изучении колхозного крестьянства.

«Советская этнография» поступила совершенно правильно, открыв
а своих страницах дискуссию по этому крайне важному и актуаль-
ому вопросу. Выработав новые исследовательские методы, советские
тнографы смогут разносторонне изучить культуру и быт колхозного
рестьянства, внеся тем самым ценный вклад в науку о развитии со-
иалистических народностей и наций.